за пределы традиционных жанров классицизма, в общем и целом придерживались этого принципа, остановив свой выбор на самом важном слоге — высоком. Напротив, Радищев смешал в составе одного произведения разные стилистические пласты лексики, особенно наглядно это обнаруживается в «Путешествии», где соседствуют сцены простонародной болтовни и высокой славянской патетики. Своей колоссальной амплитудой стилистических колебаний «Путешествие» наметило обширную область, внутри которой разместилось реальное множество текстов того и последующего времени. Различие же между стилистическими установками Тредиаковского и Радищева заключалось в том, что первый, сталкивая в одном контексте разногенетические слова, стремился привести их к нейтрализации, второй — создать контекст большой стилистической емкости (он действовал в условиях теории трех штилей, игнорировать которую было нельзя).

6. То, что церковнославянские языковые средства связались у Радищева в «Путешествии» с выражением высокой гражданской тематики, было замечено давно. Неслучайность этой связи в свое время подчеркнул Л. Б. Лехтблау, проведя типологически близкую параллель с языком английской буржуазной революции 1640—1660 гг., а также указав на известную англоманию Радищева и особенно увлечение Мильтоном.[35] Как известно, литературной данью Мильтону был отрывок «Ангел тьмы», язык которого предельно славянизирован.

Различая «библейский пыл» и «ораторский пафос», источником последнего Л. Б. Лехтблау называет Руссо, одного из самых выдающихся мастеров «письменного красноречия». Национальная форма для выражения этих литературных принципов была найдена Радищевым в традиции Ломоносова: «Славяно-риторическая концепция Ломоносова была для Радищева своего рода живой отечественной параллелью к воспринятому им ораторскому пафосу Руссо и руссоистов», и далее: «Учение о трех штилях Ломоносова, поддерживавшее авторитет церковнославянского языка, несомненно сближалось Радищевым с стилевыми традициями пуританской литературы».[36]

Приняв во внимание развитие отечественной ораторской традиции, можно внести уточнение в эту концепцию Л. Б. Лехтблау. Как известно, церковная проповедь получила в начале XVIII в. широкое применение и развитие в практике Стефана Яворского, Гавриила Бужинского, некоторых других, но особенно Феофана Прокоповича. В неблагоприятное для русской церкви царствова-

---

[35] *Лехтблау Л. Б.* Стиль «Путешествия...», с. 236.

[36] Там же, с. 231, 234—5, 239. Эти суждения дополняет мнение Г. А. Гуковского о том, что церковнославянский язык во второй половине XVIII в. был больше связан с демократическими слоями населения, поскольку они сохраняли бóльшую верность культурной старине (*Гуковский Г. А.* Радищев как писатель. — В кн.: А. Н. Радищев. Материалы и исследования. М.—Л., 1936, с. 188—190).